

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. П. Даркевич. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX—XVI вв. М., 1988. 342 с., 108 табл., 42 рис. в тексте.

Довольно мрачным представляется нам иногда средневековье с его грозными рыцарскими замками, подневольным трудом крестьян, тяжелой зависимостью горожан от феодальных сеньоров, с гонениями на всякую свободную мысль, засильем церкви, пылающими кострами инквизиции. Но нужно помнить, что этой гнетущей тяжести, постоянным страхам, ожиданиям не то что войны, но и конца света, да еще и после смерти — страшного суда, народ всегда противопоставлял свой здравый юмор, стремясь использовать любой просвет в тяжелой действительности для празднеств, веселья, насмешек над всякой властью, будь то сельский староста, сюзерен, церковь или даже сам Господь. Без этого невозможно было бы вынести материальный и духовный гнет. Люди грамотные читали не одну духовную литературу, но и литературу светскую, включая Рабле, Сервантеса и многих других писателей, обладавших (каждый на свой лад) высоким юмором.

Веселыми и красочными были шумные народные праздники. Об их карнавальном характере, о роли смеха, о смеховой культуре средневековья существует в наше время целая литература, основоположником которой справедливо считается М. М. Бахтин¹. Литература эта пополнилась исследованием оригинальным и интересным, показывающим рассматриваемый предмет не столько в аспекте литературоведческом, как это делалось до сих пор, сколько в зеркале искусства. Книга В. П. Даркевича посвящена проблемам светской праздничной жизни средневековья. Автор привлекает широкий круг письменных источников, научных исследований и художественной литературы, но основное его внимание обращено на образы средневековых праздников (и шире — на духовно-бытовую сторону жизни средневековых сел и городов, на представления современников о разных жизненных проблемах), выраженные в рисунках-миниатюрах и в мелкой пластике-резьбе по кости, дереву, камню, в произведениях ювелирного искусства. Обращение к «малым формам» изобразительного искусства оказалось весьма плодотворным: на капителях колонн, в резных украшениях и в особенности в иллюстрациях книг бытовые сюжеты, в частности связанные с народными празднествами, оказались представленными обильно и правдиво. Читатель не только получает сведения о различных явлениях средневековой праздничной жизни, но и может увидеть общие черты и особенности этой стороны жизни у разных народов, этническое своеобразие различных вариантов явлений.

В книге рассматривается праздничный мир преимущественно средневековой Западной Европы, а также Закавказья, Византии, Европейской России и даже Дальнего Востока (в зависимости от наличия и характера источников). Автор изучает все явления в их развитии, от глубокой древности до полного расцвета, который наступил в некоторых странах даже в XVIII в. В частности, исследован и русский лубок, а не только искусство Древней Руси (как сообщается на с. 9). Такая широта и, если так можно выразиться, нестрогость территориальных и хронологических границ является одним из важных достоинств исследования.

При этом автор стремится не только представить конкретный фактический материал, но и показать сложную символику изображений, столь распространенную в изучаемую им эпоху, что сделано весьма точно и остроумно.

Книга состоит из четырех частей, первая из которых — «Жонглеры». Автор понимает этот термин в широком смысле — «забавники», профессионалы-развлекатели, что принято на Западе, но может несколько удивить нашего читателя, привыкшего к более узкому толкованию термина «жонглер» — как обозначения одной из специальностей современных артистов цирка. Средневековый европейский жонглер должен был быть «мастером на все руки» (с. 17) — канатоходцем, дрессировщиком самых различных животных, фокусником и даже кукольником, приводящим в действие театр марионеток. Все эти жонглерские профессии охарактеризованы в главах, составляющих первую часть. Не ставя себе задачи пересказать содержание книги, отметим лишь, что особое внимание автор сосредоточил на дрессированных животных, в частности на игре медведей

(с. 32—34) и обезьян, хотя не упущены и многочисленные большие и малые (дикие и домашние) звери, показывавшиеся жонглерами. Медведь охарактеризован не только как умный, хорошо поддающийся дрессировке зверь, но и как почитаемый «хозяин леса», древний тотем многих племен Евразии, герой разных жанров фольклора (надо сказать, что эта сторона отношения человека к животным никогда не упускается автором — ср. «Адский пес» — с. 53.) Говоря о «львах-людоедах», В. П. Даркевич указывает, что «идея плотоядного льва-Антихриста распространена в искусстве с XII в.». Добавим от себя, что такие изображения символизировали ад в целом, как это видно, например, на знаменитых Сигтунских воротах Новгорода. Автор подчеркивает также пародийность представлений дрессированных животных и театра марионеток, посвятив отдельный небольшой раздел и Петрушке.

Заключает первую часть большая глава о жизни жонглеров, причем автор придает большое значение их странствиям, как важному в ту эпоху фактору общения между народами (с. 84).

Пожалуй, наибольший интерес для читателя-историка представляют части вторая и третья — «Народ на площади» и «Карнавал».

Во второй части говорится о массовых играх, участниками которых было все население, — уличных танцах, ряженые, календарных праздниках, военных играх. Все, что нужно было для участия в них, умел каждый, специальной подготовки не требовалось. Естественным местом этих действий являлись городская площадь и улицы (разумеется, в городах все действия отличались большей пышностью и людностью, чем в деревне). Еще М. М. Бахтин отмечал, что все разнообразные выступления подобного рода объединяло то, что они были «проникнуты одной и той же атмосферой свободы, откровенности, фамильярности»². Недаром во многих языках слова «уличный», «площадной» употребляются в близком к этому определению смысле. В составляющих вторую часть главы имеются разделы о хороводах, фарандоле, танце с мечами. Последний исследован особенно внимательно. На прекрасном изобразительном материале показано распространение этого танца на Руси в XII—XIV вв. В частности, В. П. Даркевич справедливо определяет один из инициалов новгородского Евангелия XIV в. — букву «Р» — как изображение мужского танца с мечом и чашей (с. 101). Вообще, надо сказать, что буквы новгородских рукописей XIV в. уже не в первый раз исследователи стараются интерпретировать как изображения сценок городского быта. Еще В. В. Стасов выстраивал некоторые из них в ряд, долженствующий показать какое-то народное действо или празднество³. В целом это не прозвучало убедительно, но книга В. П. Даркевича показывает, что попытки такого рода не бесплодны. Однако если можно согласиться с предложенным им определением буквы «Р», то определение буквы «Х» как изображения танцующего скомоороха (с. 130, табл. 100, 4, с. 334) вызывает сомнение, так как мужчина на этом изображении стоит в спокойной позе, держа в одной руке рог, из которого пьет, а в другой — кувшин, который собирается поставить: просто пьющий горожанин. Так же трудно согласиться и с интерпретацией буквы «Н» как перетягивания жерди (с. 130, табл. 60, 6, с. 294). Два изображенных мужчины одеты в свиты и головные уборы, присвоенные каким-то должностным лицам, и держат в руках отнюдь не жердь, а жезл с фигурным набалдашником (судя по изображению в той же серии городского глашатая — «бирича» жезл был также атрибутом некоторых должностей). Позы обоих совсем не напряженные. В рамках избранной автором тематики можно скорее говорить о том, что они танцуют. Такой парный танец должностных лиц как раз укладывается в систему карнавальных действий.

В том же разделе встречаем и пародийные «смеховые турниры» и игры вроде жмурок или «жучка», о древности которых, может быть, не подозревали, и азартные сраживания животных — петушинные и бараньи бои — игры особые, которые следовало бы поставить в ряд скорее с такими, как очень древняя игра в кости или более поздняя — карты (о них в книге не говорится, как, впрочем и о шахматах, и о разного рода ристаниях, и о бое бьяков). Среди зимних развлечений автор отмечает катание на коньках. Между тем в средневековых слоях Новгорода (добавим от себя — и Москвы) найдены не только костяные коньки, но и деревянные лыжи. Впрочем, автор вправе рассматривать лыжи как средство передвижения, атрибут охотников и воинов и не включать их в описание развлечений, но, например, катанье с гор на салазках — излюбленное украшение зимних праздников (для этого сооружались деревянные и даже каменные катальные горы)⁴, следовало бы осветить лучше (им уделено всего 4 строки на с. 143).

Карнавал В. П. Даркевич рассматривает вслед за М. М. Бахтиным и А. Я. Гуревичем прежде всего в его общественном значении — как «предохранительный клапан механизма социального равновесия» (с. 152), как некий период разрядки, когда устанавливались на короткое время как бы равенство бедных и богатых, своеобразная «иллюзия вседозволенности». Надо всеми можно было шутить и ни на кого не разрешалось сердиться. Главными действующими лицами были здесь шуты, или «дураки», как их еще называли. Автор выявляет их разнообразные функции и исполненный символов облик (вспомним, что юный А. С. Пушкин просил шутливо друзей «оставить» ему «пестрый колпак» в качестве символа независимости и веселья), репертуар, наконец, характеризует организацию шутов с «королем» и «епископом» во главе. Отдельно рассмотрены собственно карнавальная процессия и с их непременным атрибутом — карнавальным кораблем или «кораблем дураков», штурм которого был как бы апофеозом карнавала; сам «корабль» (иногда это были сани) связывался с представлением об аде как некоем укрепленном замке Сатаны, и штурм его дал впоследствии почву для включения в карнавал различных мистерий.

Распространены были также торжественное избрание, величание и свержение короля праздника, связанного с календарным циклом, пародийные похороны (как у русских — сожжение Масленицы). Карнавальная персонажи — «майский король» (с. 123, табл. 58, 2), «король шутов», «лорд беспорядка» (с. 163) — имели между собой много общего.

Несколько выходит за рамки, обозначенные в подзаголовке книги, четвертая ее часть — «В мире антиномий». В ней речь идет не о праздничной жизни, но о постоянном противопоставлении аскетизму официальной религии жизнерадостной культуры народа, широко разветвленном отрицании не только вмешательства церкви в быт, но и самой церкви и подспудно — даже проповедуемой церковью религии. Это явление уходит своими корнями глубоко в древние народные верования и принимает порой формы весьма резкие, вплоть до поругания Христа, «черной мессы», чародейства и идолопоклонства. Почти у всех исследуемых автором народов оппозиция добра и зла выражается в апологии скоморошества и вообще веселья — в танце, словесном «ерничестве», в «запретной» музыке. «Противоречие официальной церковной серьезности и запретно-притягательных „бесовских соблазнов“ карнавального шутовства не исключало их сближения в общей структуре всенародного праздника», — пишет автор в заключение (с. 233). «„Мрачному“ средневековью было в высшей степени свойственно поэтическое восприятие мира» (с. 234).

Здесь В. П. Даркевич отмечает интерес к средневековой культуре, в частности ее тонкое понимание Анатолем Франсом. Этот сюжет хотелось бы несколько развить. Карнавальная культура средневековья сыграла огромную роль в развитии народной культуры в целом. Ее бодрый тон, здоровый юмор, сила и красочность производили живое впечатление не только на современников. К карнавальным формам прибегали не раз и профессионалы-художники, писатели не только в эпоху средневековья, но и во времена значительно более поздние, включая XIX и XX вв. Достаточно вспомнить изображение ярмарок, процессий, катаний и других массовых действий или даже просто мьты в бане Б. М. Кустодиевым. Кроме упомянутого автором Анатоля Франса напрашивается пример описания карнавальной процессии в славном городе Кламси, сделанного Роменом Ролланом тоже в начале нашего века. Да и в других местах его замечательного произведения «Кола Брюньон» сверкают образы, созданные под влиянием народной культуры средневековья. Стоит вспомнить и «Тилля Уленшпигеля» — творение бельгийца Де Костера или его многочисленные новеллы. Но если у всех упомянутых писателей (а можно было бы назвать еще множество других у разных народов) это по большей части стилизация — стилизация мастерская, в основе которой глубокое знание родной истории и культуры, и образы эти нас восхищают, но не удивляют, то искреннее изумление вызывает, несомненно, навеянный старой карнавальной культурой образ в таком произведении Ч. Диккенса, как «Наш общий друг» (1865 г.). Вспомним одноногого мошенника Сайлеса Вэгга, пытавшегося втереться в доверие к порядочным людям и на короткое время вообразившего себя хозяином положения. Но этот «король на час» был свергнут совершенно так же, как свергали карнавального короля (которого обычно выносили, перекинув через плечо, так, что торчал заголенный зад, и бросали в воду или в грязь). Вэгг тоже в известной степени глумливо заголен, вынесен и брошен в фургон для мусора. Влияние народной культуры на профессиональную выступает в этом эпизоде достаточно ясно.

Мы говорили уже о том, что В. П. Даркевич сумел показать народную и вообще праздничную культуру средневековья во всей яркости ее красок, в глубокой и активной ее жизнерадостности. Говорилось и о том, что главным источником послужило ему изобразительное искусство средневековья. Можно только удивляться, как в такой книге, обильно снабженной иллюстрациями, не оказалось хотя бы нескольких цветных таблиц, которые давали бы представление (пусть приблизительное) о цветовой щедрости средневековых художников, об эволюции их своеобразной цветовой гаммы. И вообще обращает на себя внимание низкий полиграфический уровень издания. Большинство рисунков, в том числе и произведения Босха и других мастеров того же уровня, получились нечеткими, какими-то смазанными. Вынесение в конец книги 108 (!) таблиц теряет всякий смысл, если они не напечатаны на лучшей бумаге. Зачастую трудно различимы детали изображений, о которых говорит автор, из-за того, что масштаб рисунка слишком мелок. Жаль, что усилия издательства были направлены как будто бы не на улучшение, а на ухудшение этой прекрасной книги.

Книга В. П. Даркевича чрезвычайно интересна как для специалистов — историков, этнографов, фольклористов и искусствоведов, так и для широких кругов читателей, интересующихся стариной и народной культурой в целом. Она открывает для нас большую область жизни наших предков, до сих пор мало исследованную. При этом занимательно само изложение. Автор ведет за собой читателя, открывая перед ним все новые картины, одна другой увлекательнее. Вынужденный зачастую подробно описывать изображения, дающие основной материал для его научных положений, он делает это с такой четкостью, что серые иллюстрации книги приобретают как бы внутреннее свечение, и те куски, которые могли бы заставить читателя скучать, благодаря легкости изложения, напротив, занимают его. Язык автора отнюдь не стандартен, он смело употребляет неожиданные выражения (например, Бахус — «исполинского роста мужчина бесподобной толщины», с. 126), достигая не только красочности, но и некой внезапности впечатления.

Хочется пожелать автору дальнейших успехов и выразить уверенность, что за его работами будут внимательно следить читатели, заинтересованные «Народной культурой средневековья».

М. Г. Рабинович

Примечания

- ¹ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1965.
- ² Бахтин М. Указ раб. С. 166.
- ³ Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени / Собрал и исследовал Стасов В. СПб., 1877. Табл. 69.
- ⁴ См. Рабинович М. Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан М., 1964. С. 314—315; его же. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 160, 167—174.
- ⁵ Диккенс Ч. Наш общий друг / Диккенс Чарлз. Собр. соч. Т. 25. М., 1962. С. 445; см. также рецензируемую книгу. С. 123. Табл. 58, 2.

Языки культуры и проблемы переводимости / Отв. ред. Б. А. Успенский. М., 1987. 255 с.

Сборник продолжает серию изданий, подготовленных Научным советом по истории мировой культуры, как, например, «Из истории культуры средних веков и Возрождения» (М., 1976), «Традиция в истории культуры» (М., 1978), «Художественный язык средневековья» (М., 1982). Центральной для сборника является проблема взаимной переводимости различных культурных языков (кодов), причем перевод осмысливается как конфликтный, противоречивый процесс, в ходе которого генерируются новые значения. Под этим углом зрения рассматривается сложный диалог субкультур в рамках единой национальной культуры — взаимодействие культуры «высокой» и народной, христианской и языческой, борьба различных культурных ориентаций.

Сборник открывается статьей Ю. М. Лотмана «Несколько мыслей о типологии культур», в которой теоретически обосновывается возможность существования бесписьменной цивилизации. Роль письменности в ней выполняли мнемонические средства — естественные и культурные символы, включенные в ритуалы. Согласно утверждению исследователя, «появление письменности не усложнило, а упростило семиотическую структуру культуры» (с. 8). Интересны мысли автора о том, что бесписьменный характер цивилизации подразумевает иную структуру не только коллективной памяти, но и индивидуального поведения, причем особую роль приобретают ритуалы, гадания и приметы.

В статье А. Я. Гуревича «Ведьма в деревне и пред судом (народная и ученая традиции в понятии магии)» на новом материале развиваются идеи его известной книги «Проблемы средневековой народной культуры» (М., 1981). Автор указывает, что массовую охоту на ведьм можно рассматривать только в контексте социально-психологического климата Европы конца XVI—XVII вв., когда массами населения владели неуверенность и страх, обусловленные экономическим упадком, эпидемиями и разрушительными войнами. Именно в конце средневековья формируется представление о всемогуществе нечистой силы и ее постоянном вмешательстве в жизнь человека. В XVI—XVII вв. принципиально меняется соотношение элитарной и народной культуры: сравнительная терпимость к последней уступает место нетерпимости и преследованиям. В конце средневековья победила новая концепция ведовства: «ведьма — не просто знахарка или колдунья, знающая секреты магии, она — служанка Сатаны, которая вступила с ним в пакт и в половые сношения, по его наущению и с его помощью губит людей и их имущество» (с. 33). Исключительно интересны наблюдения о том, что «при конструировании идеи шабаша, с хороводами ведьм и ритуальным пиршеством, была использована модель народных обрядов, однако с добавлением поклонения Сатане и свального греха его участников» (там же). Автор вскрывает семиотический механизм ведовских процессов как своеобразного перевода определенных элементов народной культуры на язык демонологии. Исследование А. Я. Гуревича, вскрывающее социально-психологические основы гонения на ведьм в Европе, имеет, несомненно, и более общее значение для осмысления ведовства как существенного элемента культур традиционного типа.

Статья В. М. Живова и Б. А. Успенского «Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России» продолжает серию исследований, посвященных семиотическому анализу русской культуры, с преимущественным вниманием к соотношению церковной и светской субкультур¹. Сама идея сакрализации монарха хорошо изучена на материале архаических обществ (Фрэзер, Хокарт и др.), однако здесь она рассматривается как элемент более поздних политических и общественных движений. В первом разделе «Сакрализация монарха в контексте историко-культурного развития» рассматриваются древнерусские представления о государственной власти, предполагавшие параллелизм царя и Бога, но отнюдь не тождество между ними, и идея сакрализации монарха, сформировавшаяся в XV—XVI вв. под влиянием концепции «Москва — третий Рим». При Алексее Михайловиче эта концепция приобретает политический смысл: русский царь стремится вести себя как византийский император, что выразилось, в частности, в присвоении им ряда церковных полномочий и вызвало осуждение как со стороны старообрядцев, так и со стороны патриарха Никона. После переориентации на западные образцы при Петре I сакрализация монарха не только не ослабела, но и, наоборот, резко усилилась: было упразднено патриаршество и царь фактически стал восприниматься как глава церкви.

В разделе втором «Сакрализация монарха как семиотический процесс» рассматриваются атрибуты власти, связанные с сакральной семантикой: название царя «святым», «помазанником»